

Когда мы с Жан-Луи Гуро посетили издательство «Терра», и я ему показал трёхтомник Пьера Бенуа, он был так поражён, что не только сказал мне, что это любимые романы его молодости, и что сейчас, по его мнению, во Франции мало кто помнит его. Поблагодарив меня за это издание (а оно действительно хорошо сделано полиграфически), он через некоторое время мне сообщил, что в одном из писем послу Франции в России он написал об этих книгах, присовокупив своё соображение о том, что люди, издававшие их, делают для сближения народов Франции и России больше, чем иные чиновники, работавшие в этом направлении.

К сожалению, моё сотрудничество с издательством «Терра» и его руководителем прекратилось, по моему мнению, преждевременно и не удалось реализовать все имевшиеся в то время планы.

Французские встречи

В 1968 году Лев Абрамович Глезер познакомил меня с Михаилом Семёновичем Капланом, бывшим одесситом, а в то время владельцем книготорговой фирмы в Париже под названием «Дом книги». Эта фирма занималась распространением книг на русском языке, издаваемых преимущественно в СССР, по многим странам.

Тогда знакомство ограничилось приятной беседой и небольшим обменом (дружеским, конечно) литровой бутылки французского коньяка «Мартель» на две

или три баночки чёрной икры. Мы оба остались довольны. Обмен производился у меня дома, и Михаил Семёнович пригласил меня заходить к нему в Париже. Такая возможность представилась мне ровно через 23 года.

Его визитную карточку я сохранил и по адресу, указанному на ней, разыскал «Дом книги». К великому сожалению, Михаила Семёновича уже не было. Фирмой управляли его два сына. Изменившаяся политическая и экономическая ситуация в 1991 году, когда проводимая в нашей стране перестройка была в разгаре, привела к тому, что экспорт книг уже не был монополизирован, и практически любая российская фирма или издательство могли заниматься этой деятельностью.

Новая ситуация привела к утере парижским «Домом книги» приоритетного положения в этом деле, что вело к неизбежному её краху. Но сыновья ещё были на месте, приняли меня доброжелательно и оказали мне услугу, познакомив меня с некоторыми парижскими букинистами, торгующими книгами на русском языке. Одно из этих знакомств стало для меня весьма знаменательным. Это было знакомство с Андреем Владимировичем Савиным, владельцем фирмы «Русский библиофил».

К моему глубокому сожалению, оно оказалось сравнительно недолгим, потому что на беду всех знавших его людей, он безвременно ушёл из жизни в 1999 году, прожив всего лишь 53 года. Не уверен, что сумею на листе бумаги выразить ту степень восхищения этим цельным человеком, большим про-

фессионалом в своём деле и замечательным другом. Знакомство с ним, и позволю себе сказать, наша дружба, открыли мне столько много нового, что для моего «почтенного» возраста может показаться удивительным.

Андрей Владимирович родился в Париже в 1946 году в семье эмигранта, работавшего много лет на автомобильных заводах «Рено». Получив образование во французских учебных заведениях, он остался исконно русским человеком, которого живо интересовали все ипостаси русской жизни — история, культура, экономика, политика, искусство. Эти свои интересы он вначале мог удовлетворять из многочисленных печатных изданий, издаваемых эмигрировавшими из России после Октябрьских событий деятелями культуры.

А их (и изданий, и деятелей) было достаточно много. Сейчас, наверное, трудно определить, какое число философов, писателей, поэтов, артистов и других деятелей покинуло Россию в годы Советской власти, и какое осталось в своей стране.

Пишу эти строки, потому что хочу сказать, что так называемая «эмигрантская» русская литература ничуть не меньше даёт представление о России, чем та, которая творилась в эти же годы в стране; что она вполне могла быть источником воспитания патриотизма для тех русских, которые родились в эмиграции, но расстаться с Россией не хотели.

Андрей Владимирович так увлёкся русской книгой, что стал собирать «эмигрантскую» литературу независимо от того, в какой стране она

издавалась — Франции, Германии, Соединённых Штатах, Австралии и т. д. Собирая её всю, т. е. не в одном экземпляре каждое издание, а столько, сколько его оставалось в издательствах, книготорговых складах и магазинах, а оставалась она, потому что круг читателей, на который она была рассчитана, в той или иной стране, сужался. Ведь не все потомки эмигрантов «первой волны», т. е. первых лет Советской власти, оставались большими «русофилами».

Я написал фразу, что Андрей Владимирович так увлёкся русской книгой, как будто это что-то необычное. Между тем именно так, ведь он вполне мог увлечься французской книгой и, соответственно, литературой, получив французское образование и будучи гражданином Франции.

Став на путь собирательства, а значит, изучения русской «эмигрантской» литературы, Андрей Владимирович одновременно начал деятельность по её распространению во многих странах, организовал свою фирму под названием «Русский библиофил». Фирма начала рассылать фундаментальным библиотекам мира (национальным, университетским и т. п.) предложения о продаже книг и периодической печати на русском языке, изданных в двадцатые—пятидесятые годы во всех странах, где была русская эмиграция и собранная Андреем Владимировичем в Париже. Постепенно проявлялся интерес к этим изданиям, и от библиотек, в которых они отсутствовали, начали поступать заказы. Появившиеся связи фирмы с крупными центрами культуры привели к появлению заказов на русские книги, изданные в XVIII — начале XX

веков в России, в т. ч. и на антикварные. Так фирма Андрея Владимировича стала практически мировой для всех русских изданий (за исключением советских изданий). При этом следует отметить, что в европейских странах осело вместе с русскими эмигрантами «досоветского периода» значительное количество книг и другой печатной продукции, изданных в XVIII и XIX веках. Задача по отысканию их также появилась в деятельности фирмы.

Очевидно, именно в этот период расцвета фирмы и произошло наше знакомство. Оно сразу стало взаимноинтересным. Я практически не знал эмигрантскую литературу и был буквально потрясён виденным её количеством и качеством книг, а Андрею Владимировичу нужен был консультант по антикварной книге. Мой уровень знаний в этой области, видимо, показался ему достаточным, и в течение нескольких лет он пользовался моими советами как при личных встречах (а их было немало в Париже и в Москве), так и по довольно частым телефонным переговорам. Расплачивался он со мной знаниями в области эмигрантской литературы, отдельными приношениями (так в моём собрании до десятка книг, подаренных Андреем Владимировичем) и, главным образом, теоретическими и ещё более осязаемыми практически знаниями в области французской гастрономии.

Мы поближе познакомились семьями и свободное от книг время проводили иногда все вместе. Нам показывали Париж, нас возили на русское кладбище у деревни Сен-Женевьев де Буа, где похоронены многие эмигранты, в т. ч. родители Андрея Влади-

мировича, а в настоящее время и он сам. Это был большой русский человек, под 1 м 90 см ростом, широкоплечий, с окладистой бородой. Он был настолько колоритен, что в районе, близком к Монмартру, где он жил и работал, его знали многие. Когда я шёл вместе с ним по этим улицам, то видел, сколько ему приходилось кланяться в ответ на бесчисленные приветствия. Характерно, что, будучи коренным парижанином, он почти всё знал о судьбах и адресах русских эмигрантов, особенно писателей и поэтов, а их в Париже жило немало — Бунин, Мережковский, Зайцев, Ремизов, Гиппиус, Цветаева и другие. Но когда я спросил его, а где находится памятник французам А. Дюма-отцу, о котором я читал в книге А. Моруа, Андрей Владимирович не сумел ответить. Но через несколько дней после моего возвращения в Москву раздался телефонный звонок из Парижа, и радостно возбуждённый голос Андрея Владимировича буквально взорвался: «Я нашёл его, я знаю, где этот памятник, покажу в следующий ваш приезд в Париж!» Оказалось, как это не удивительно, что я знаю французскую литературу лучше него, а он — русскую первой трети XX века лучше меня.

Кстати, хотелось в этом месте повествования сделать небольшое отступление от описания высоких качеств Андрея Владимировича. Дело в том, что меня поразило знание современными французами (разумеется, не всеми, но теми, с которыми мне пришлось встретиться) французской литературы.

В свой первый приезд в Париж я был приглашён на обед во французскую семью; не помню сейчас, в

связи с чем было связано это приглашение, помню, что я был с переводчиком, возможно, он и был инициатором встречи. Знал я и то, что хозяйка дома была работником системы образования, и что жили они на улице Вожирар. Когда мне сказали про это, то я обрадовался, так как вспомнил, что Арамис, один из трёх мушкетёров, жил на этой улице. Я решил, что за обедом блесну этими знаниями. По-моему, ничего удивительного, что я запомнил адрес Арамиса нет, так, как и многие мои сверстники, более десятка раз читал «Три мушкетёра» и помнил также, что Атос жил на улице Феру, а что д'Артаньян жил на улице Могильщиков, мне представляется, знает большинство школьников старшего возраста в нашей стране. Когда мы отправились на обед, я не знал лишь того в этой области знаний, что улица Вожирар — это самая длинная улица Парижа, и что тянется она несколько километров.

Для характеристики гастрономического быта французов хочу привести поразивший меня момент. В начале обеда вино из только что открытой бутылки дали попробовать на доньшке бокала хозяйке дома, она его вначале понюхала, а потом попробовала, слегка пригубив, и спросила у сына восемнадцати—двадцати лет, где он его купил.

Сын назвал какой-то ближайший магазин. Тогда мать ему сказала, что вино ей не нравится, и чтобы он пошёл в тот же магазин и заменил его. Мне, как человеку из России, показалось мало реалистичным выполнение этого поручения, тем более, что стол уже был сервирован, и еда уже стояла на нём. Тем

не менее, через 5–7 минут сын вернулся с новой бутылкой вина, и после повторения процесса его опробования, хозяйка подтвердила качество, и обед начался.

В оживлённой застольной беседе я принимал минимальное участие, пока не услышал, что эта семья владела, кроме квартиры в Париже, небольшим поместьем вблизи города Ванн в Бретани. Тут я понял, что представляется великолепный случай блеснуть своей образованностью. Я немедленно встал и произнёс тост: «Как мне повезло, что, находясь первый раз в жизни во Франции, я попал в семью, которая живёт на улице Вожирар, где жил Арамис, и которая владеет поместьем вблизи города Ванн, где Арамис впоследствии был Ваннским епископом (я это тоже хорошо помнил из продолжения «Трёх мушкетёров» романа «Десять лет спустя»). Скажу без лишней скромности — после перевода этих моих слов я ожидал всеобщего одобрения. Но в ответ было полное молчание. В дальнейшей беседе выяснилось, что сидящие за столом этого не знали. А сын, который — я думал ещё вчера или позавчера, — читал романы великого французского романиста А. Дюма-отца, разъяснил мне, что им (молодёжи) не до Дюма, им нужно поступать в высшие учебные заведения, и они читают только то, что может способствовать повышению их специальных знаний, например, в области использования компьютеров и т. п.

Подобные случаи происходили со мной несколько раз. Об одном из них мне хочется вспомнить подробнее.

Много лет спустя после неудачной демонстрации моих знаний о произведениях А. Дюма, мне выпала случайность, находясь в автомобильной поездке по Франции, попасть в город Ангулем. Погода была очень плохой, и нам пришлось остановиться в нём для ночлега. Уже оформляя своё прибытие в гостиницу (не какую-нибудь на окраине города, а на центральной площади), я вспомнил, что Люсьен де Рюампре, один из главных героев «Человеческой комедии», созданной Оноре де Бальзаком (также любимым моим французским писателем), родился и делал первые шаги своей удивительной карьеры в Ангулеме. Об этом очень подробно написано в романе «Утраченные иллюзии», причём написано так подробно и ярко, что я, читавший этот роман много лет тому назад, помнил особенности этого города, его топографию и т. п. Описано это было так мастерски, что в момент моего попадания в этот город я решил, что Бальзак в нём жил достаточно долгое время, и спросил об этом администратора гостиницы. Мои довольно жалкие знания французского языка к этому времени позволяли это. К моему удивлению, фамилия Бальзак не произвела на него никакого впечатления. Ответ был примерно таким: «он не слышал, что господин по фамилии Бальзак жил или живёт в настоящее время в Ангулеме». Когда же мы с помощью жены, лучше меня знающей французский, объяснили ему, как могли, что Бальзак прославил его город на весь мир ещё в первой половине XIX века, он был искренно удивлён. Однако на другое утро, видимо каким-то образом расширив свой кругозор по Бальзаку,

рассказал нам с энтузиазмом, что действительно имя этого писателя читается в их городе. В частности, имеется колледж имени Бальзака, дал нам его адрес, но мы за неимением времени туда не пошли.

Теперь можно вернуться к рассказу об Андрее Владимировиче. Ведь если есть французы, которые плохо знали французскую литературу, то какие претензии мы вправе предъявить к нему, хоть он и получил французское образование?

Но что Андрей Владимирович одинаково хорошо знал, как истый парижанин—гурман, то это французскую и русскую кухни. Как истый русский он старался как можно больше и глубже поделиться своими знаниями. Он настолько был гостеприимным, что когда уже был тяжело больным и вынужден был оставаться дома, живо интересовался тем, где мы пообедали и что ели. Нам с женой удалось провести несколько поездок по городам Франции на автомобиле. В этих случаях Андрей Владимирович настаивал на том, чтобы после приезда в город, где нам предстояло обедать или ужинать, город заранее нам неизвестный, мы ему звонили в Париж и получали рекомендации, какую еду, характерную для этой местности, мы заказали бы в ресторане и кафе.

Но для меня главным приобретением оказалось широкое знакомство с эмигрантской литературой, так как в советское время я её не только не мог познать, но увидеть даже издали не мог. Букинистические магазины Москвы и Ленинграда ею не торговали. К концу своей жизни Андрей Владимирович собрал уникальную по своей полноте коллекцию эмигрант-

ских печатных изданий 20х-50х годов XX века. В коллекцию включены книги, журналы и газеты, различные летучие издания. К счастью, его вдова Светлана Михайловна, серьёзно и много помогавшая ему в работе, понимает значение коллекции и не допустит её распыления.

На память об этом чудесном человеке мне остались подаренные им несколько книг. В их числе «Париж в 1838 и 1839 годах», путевые записки и заметки Владимира Строева (в двух частях). СПб. 1842 год. ... «Евгений Онегин», изданный в Брюсселе в 1935 г. с рисунками М. В. Добужинского; «Воспоминания» И. А. Бунина, изданные в Париже в 1950 году; книги Ремизова, Бурцева и другие, изданные в Париже. Особый интерес представляет экземпляр парижской газеты «Последние новости» от 10.02.1937 года, приуроченный к столетней годовщине смерти Пушкина, а также авторский экземпляр С. Лифаря, издания М. А. Гофмана и С. М. Лифаря; «Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой», Париж, 1937 г.

Кроме того, радуют моё библиофильское сердце два чудесных тома в розовых переплётах «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя, второе прижизненное издание 1836 года. Кстати, эти книги были разысканы во Франции, где они, очевидно, находились более ста лет. Это обстоятельство, безусловно, способствовало высокой степени их сохранности.

Подаренный Андрею Владимировичу каталог Н. В. Соловьёва № 105 «Редкие книги» в хорошем переплёте Светлана Михайловна вернула мне после его смерти с просьбой сохранить память о нём.

